

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Восточнославянские изоглоссы. 2000. М., 2000: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 2000. 173 с.

Вышел в свет очередной, третий выпуск коллективной монографии "Восточнославянские изоглоссы" (далее – ВСИ), приуроченный к славному юбилею известного диалектолога и историка русского языка С.В. Бромлей, стоявшей у истоков одноименного проекта (см. об этом – "Восточнославянские изоглоссы. 1995". М., 1995; "Восточнославянские изоглоссы. 1998". М., 1998).

Выпуски ВСИ – это логическое продолжение развернувшегося с середины прошлого века процесса создания диалектологических атласов славянских языков и региональных атласов. Впечатляющие итоги, достигнутые в результате реализации задач по лингвогеографической интерпретации диалектных континуумов ("Диалектологический атлас русского языка", "Общеславянский лингвистический атлас", "Общекарпатский диалектологический атлас", "Дыялекталагічны атлас беларускай мовы", "Атлас української мови" и др.), подвели к необходимости широкомасштабного ареального изучения восточнославянских диалектов.

Помимо конкретных задач каждый из выпусков ВСИ преследует и общие цели – сконцентрировать материал, важный для уточнения ряда фундаментальных теоретических положений современной славистики, способствовать решению некоторых насущных проблем историко-лингвистического и сравнительно-типологического характера, создать прочную базу для дальнейших обобщений, связанных с вопросами славянского этногенеза и глоттогенеза.

Авторы статей выпусков ВСИ – в большинстве своем коллеги и ученики Р.И. Аванесова, профессионалы высокого класса, приобретшие уникальный опыт в процессе создания "Диалектологического атласа рус-

ского языка" и "Общеславянского лингвистического атласа".

Мысль о необходимости подробного лингвогеографического исследования диалектных особенностей восточнославянских языков принадлежала Р.И. Аванесову [Аванесов, Бернштейн 1958: 3], а воплотилась в жизнь тщанием С.В. Бромлей в конце восьмидесятых годов, когда под ее руководством была разработана теоретическая концепция восточнославянского атласа, сформулированы основные задачи и методы лингвогеографического изучения диалектного материала (см. об этом [ВСИ 1995: 3]).

Рецензируемый опус, объединенный несколькими общими идеями, представляет собой сборник статей, посвященный лингвогеографическому описанию разноуровневых явлений восточнославянского диалектного пространства. Несмотря на многоплановость содержания, монография воспринимается как единое целое, сцементированное общей идеей системности картографируемого материала, необходимостью интерпретации фактов на основе наиболее надежных, проверенных временем теорий. Идея представления систематизированного материала, пригодного для решения задач общего характера, реализуется в рассматриваемом выпуске в полной мере. Из сформулированных в выпуске задач наиболее актуальными являются следующие: поиск "новых лингвогеографических (ареалогических) аргументов" (см. "Предисловие", с. 5), способных высветить характер диалектного членения позднепраславянского языка, ответить на вопросы о том, был ли позднепраславянский период временем диалектной дифференциации праславянского языка, представлял ли собой общевосточнославянский праязык генетическое единство, является ли близость совре-

менных русского, украинского и белорусского языков результатом длительных конвергентных процессов, открыть новые свидетельства противопоставленности центральных и периферийных говоров и мн. др.

По существу третий выпуск ВСИ представляет собой "новый тип атласа" (см. "Аннотацию" к выпуску), включающий в себя комментарии и карты, "на которых методом сопоставительного картографирования показаны явления разных языковых уровней...". Новизна выпусков ВСИ заключается как в особенностях картографирования, так и в характере комментариев к картам. Карты, помещенные в рецензируемом выпуске, можно отнести к числу типологических. Главная задача этих карт заключается в том, чтобы "по возможности четко отразить наиболее существенные для диалектных систем связи и противопоставления между элементами, т.е. раскрыть системные отношения между отдельными явлениями и показать те сходства и различия современных восточнославянских диалектов, которые обуславливают синхронную типологическую группировку исследуемых говоров" [ВСИ 1995: 7]. Что касается комментариев, то они представляют собой подробные исследования отраженных на картах явлений, при этом по необходимости используются исторические, этимологические и сравнительно-сопоставительные данные.

Пятнадцать статей с весьма обстоятельными и высокоинформативным "Предисловием", написанным руководителем проекта Т.В. Поповой, составляют содержание рецензируемого труда. Сразу же следует оговориться, что сопоставительный анализ и картографирование различного рода явлений встречает определенные трудности, обусловленные неравномерностью представления материала в национальных атласах или же их различной экспликацией. Часть явлений не картографируется или по причине их слабой распространенности, или же в случае их отсутствия в том или ином регионе. Это заставляет исследователей искать дополнительные источники, важные для решения проблемы полного ареального представления картографируемых явлений.

Вопросам фонетики посвящено две работы Л.Э. Калнынь: "Отношение к признакам вокальности/консонантности в фонетике восточнославянских диалектов" и "Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексацией прасл. сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными".

В обширной первой статье рассмотрен широкий круг фонетических явлений в пара-

дигматическом и синтагматическом планах, демонстрирующих распределение восточнославянских диалектов в зависимости от разнообразия вокалического или консонантного инвентарей и их сочетаемостных свойств. Дихотомия вокальность/консонантность детализируется "в рамках фонетического устройства идиомов". Автор, интерпретируя широкий круг явлений (перечень которых представлен в заключительной части работы, см. с. 26), сопоставляет изоглоссы отношения к признаку вокальности с изоглоссами отношения к признаку консонантности. Выделяется зона максимально высокого уровня консонантности и "ее антипод" – зона с максимально высоким уровнем вокальности/низким уровнем консонантности, захватывающая некоторые северо-украинские говоры.

Не имея возможности остановиться на всем спектре затронутых Л.Э. Калнынь сюжетов, отметим только, что автор вносит существенный вклад в системную разработку ареальных проблем диалектной фонетики, демонстрируя широту охвата материала, тонкий анализ и проницательность.

Во второй статье убедительно показано, как рефлексация сочетаний *trьti, *tlъti, *trьti, *tlъti делит восточнославянский континуум на три региона в зависимости от качества согласного в безударном слоге. Приложенные карты дают исчерпывающее представление о судьбе указанных праславянских сочетаний на восточнославянской территории.

Позволю себе напомнить, однако, безотносительно к рецензируемой статье тот тривиальный факт, что диалектология имеет дело с историческими различиями, распределенными на географическом пространстве. Поэтому принцип историзма важен применительно к изучению проблем любого уровня диалектного языка на любом этапе его развития. Применительно к фонетике/фонологии необходимость совмещения исторических и диалектных данных приобретает особое значение. В свое время В.В. Колесов [Колесов 1975: 135] справедливо отмечал: «...синтагматические по своему характеру изменения фонем (изменения фонем в составе словоформы) каждый раз, на каждом синхронном уровне, в каждой диалектной системе индивидуальны и объясняются совершенно различными парадигматическими и отношениями фонем и совершенно различной фонетической ситуацией изменения. Только в общем контексте исторического исследования совокупно с другими источниками может быть преодолен "неисторизм" диалектного материала».

В качестве исторического объяснения диалектных (в широком смысле слова) фактов можно привести один пример из работы Н.С. Трубецкого "О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского единства" [Трубецкой 1987: 143–167]. Ученый раскрывает причины и определяет хронологию перехода великорусск. *svinja, sud'ja* и т.п. в украинск. *svyn'ja, sud'd'a*, белорусск. *svińńa, suźźa*, опираясь на реконструкцию последовательностей звуковых изменений в разных частях восточнославянской диалектной территории.

В статье Н.Н. Пшеничновой "Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в формах прилагательных" исследуется давно обсуждаемая проблема, до сих пор не получившая однозначной интерпретации. Часть ученых (и их большинство) считают односложные окончания прилагательных результатом фонетического процесса, представленного в разное время в разных славянских языках, другие (как, например, С.В. Бромлей), предполагают здесь результат морфологического процесса, связанного с утратой нечленных форм в атрибутивной функции. Кстати, сторонником фонетического объяснения стяженных форм был также А.А. Шахматов [Шахматов 1957: 343–344], который, в частности, писал: "Диалектически находим стяженные формы в именительном-винительном единственного и множественного числа прилагательных: вместо *ая, ую, ое – а, у, о*, вместо *ые – ы*. Думаю, что необходимо допустить фонетическое объяснение таких форм, а именно, что они возникли в результате выпадения нелогового *i* между однородными гласными...".

Скрупулезно собранный и тщательно расклассифицированный материал позволяет автору сформулировать оригинальное видение исследуемой проблемы. Н.Н. Пшеничнова, ориентируясь на различного рода расхождения между результатами стяжения гласных в глаголах и прилагательных, справедливо полагает, что "фонетический по происхождению процесс стяжения был все-таки с самого начала морфологизованным". Проведенное автором исследование позволило не только выявить и очертить границы описываемого явления и характер его протекания на разных территориях, но и внести определенную лепту в актуальную тему о противопоставленности центральных и периферийных говоров по их отношению к признакам вокальности/консонантности.

Состоящая из двух частей статья Л.Е. Лопатиной и А.В. Тер-Аванесовой "Морфологические особенности склонения имен существительных с основой на заднеязычный

согласный" посвящена описанию диалектных различий, связанных с преобразованием исхода основы имен в восточнославянском ареале. Об актуальности такого рода исследований, важных для осмысления направления морфонологических преобразований в диалектных системах, а также для славянских сравнительно-типологических штудий, свидетельствует тот факт, что этой проблематике посвящено немало работ (кроме приведенных в рецензируемой работе см. также [Толстая 1976: 85–113; Славянская морфонология 1987; Иорданиди 1991: 67–76] и др.).

В первой части статьи показано, что в подавляющем большинстве украинских и белорусских говоров осуществляется переходное смягчение заднеязычных согласных основы перед гласными дифтонгического происхождения *ě и *i, в то время как подавляющему большинству русских говоров такой переход не свойствен. При этом рассматриваются различные падежно-числовые формы существительных *о-склонения мужского и среднего рода и *а-склонения женского рода. Особое внимание уделено так называемым счетным формам, когда существительное выступает в сочетании с числительными *две, три, четыре, полторы, пол* и местоимением *обе, обеде*, оформляясь окончанием, восходящим к именит.-винит. падежам двойственного числа.

Способность заднеязычных смягчаться непеременно, не изменяя своего основного качества, сложившаяся в славянской фонетике, в полной мере находит отражение в русской словоизменительной системе. Вторая часть рецензируемой статьи, написанная А.В. Тер-Аванесовой, посвящена морфонологическим закономерностям выбора флексий в именных основах на заднеязычный согласный на русской диалектной территории – мягкой или твердой – в разных парадигматических позициях.

Подробнейший комментарий к карте и сама карта (№ 1) непреложно свидетельствует о том, что в северо-западных русских говорах чередуются очаги с преимущественным окончанием твердой разновидности склонения *-е* в формах род. ед., местн. ед., а также, по говорам, дат. ед. числа и особый набор окончаний, отличный как от твердой, так и от мягкой разновидностей склонения. Карта № 2 демонстрирует распределение окончаний родительного, дательного и местного падежей ед. числа существительных на заднеязычные согласные в соотношении с окончаниями других разновидностей *а*-склонения. Эта картографическая работа отличается мастерской репрезентацией большого материала, часть которого собрана в полевых условиях.

Следующие комментарии к картам А.В. Тер-Аванесовой на тему: "Отражение флексии *nom.-acc. dualis* в счетной форме существительных *a*-склонения и *o*-склонения среднего рода" столь же подробны и информативны. На карте № 1 показано распределение рефлексов **-e* и **-i* в кругу существительных *a*- и *o*-склонений различной акцентуации и типа основ; карта № 2 представляет территория распространения различных форм род., дат. и местн. падежей ед. числа существительных твердой разновидности *a*-склонения.

Представляется, что было бы целесообразно в этом сюжете учесть последние работы О.Ф. Жолобова [Жолобов 1997; 2002: 1–27] посвященные проблематике "квантитативных конструкций" в истории русского языка и их представлению как "морфосинтаксических единиц" (*два, три, четыре* + существительное), подверженных унификации.

Исследование С.К. Пожарицкой "Флексии творительного падежа множественного числа существительных" отвечает давно назревшей необходимости показать все многообразие плюралных форм творительного падежа в восточнославянских диалектах и в ряде случаев уточнить характер их происхождения. Работы такого направления отвечают потребностям историко-лингвистического, лингвогеографического и сравнительно-типологического исследований славянской морфологии. В свое время Н. Трубецкой отмечал, что "проблема исследования славянского склонения относится к такого рода проблемам, решение которых требует объединенного сравнения языков, притом диахронический анализ должен вестись параллельно с географическим" [Трубецкой 1987: 211].

С.П. Пожарицкая подробно рассматривает происхождение и территориальное распространение широкого набора флексий (ударных и безударных – *-ам'и, -ам, -ама, -има, -ома, -ими, -и, -ли*), оформляющих имена, используя богатый материал национальных атласов, отдельных историко-диалектологических работ и собственных полевых наблюдений.

Автор совершенно справедливо полагает, что обсуждать "фонемное содержание первого гласного в составе безударной флексии имеет смысл только в связи с фонетическими и фонологическими особенностями соответствующего диалекта..."

Обращают на себя внимание прокомментированные и представленные на карте случаи "обратной" унификации форм творительного падежа (когда формы женского рода *a*-основ оформляются старой флексией *o*-

основ мужского рода – *a jeho c'ipoti*), случаи сохранения этой флексии в кругу слов *masculina*, остаточные формы двойственного числа в виде словоформ на *-ама, -ома, -има*; случаи совпадения форм дательного и творительного падежей в морфеме <ам>. Автор утверждает, что "наличие обширного и достаточно компактного ареала форм на <има> (как адъективных, так и субстантивных) "усиливает" представления о роли двойственного числа в формировании множественного" (с. 87). Происхождение такого рода флексий в истории языка можно объяснить, как кажется, исходя из особенностей унификации форм множественного числа, которая могла осуществляться не только путем "стирания" родовых оппозиций в результате обобщения плюралных форм, но и путем обобщения форм дуальных.

В рецензируемой статье подробно рассматриваются фонетические и морфологические гипотезы, имеющие объяснительную силу в осмыслении процессов становления тех или иных форм.

Работа, проведенная С.К. Пожарицкой, представляет особый интерес не только для диалектологов, но и для историков языка: материал, которым оперирует автор, дает в ряде случаев новую, более полную интерпретацию в отношении "бытия и становления" "звукового облика флексий" [Якобсон 1985: 198] и их функционирования в восточнославянском ареале.

Публикация Н.Л. Голубевой "Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *tot-этот*" посвящена тому фрагменту восточнославянской морфологии, который до сих пор не получил сколько-нибудь полного освещения в историко-диалектологической науке.

Автор постулирует ту точку зрения, что трехчленная местоименная оппозиция в восточнославянских говорах (как и в славянских литературных языках) содержит указание не на три степени отдаления предмета, а на две; третье местоимение является общим неопределенным указанием на предмет, "безотносительно к его отдаленности от говорящего" (с. 94–95).

В итоговой части этой статьи в комментариях к картам содержатся интересные наблюдения, дифференцирующие восточнославянские говоры в отношении инвентаря указательных местоимений и их смыслового оппозиционирования. Результатом систематизации лингвогеографического материала стал внушительный список местоимений, фигурирующих в русских, украинских и белорусских говорах. Этот список может быть попол-

нен местоимениями, которые "усиливают" свою смысловую структуру с помощью частиц или наречий: *нутот, нутогò, нутому, в нутом* северн.-в.-пинезжск.; *тотвот, тогòвоту, темвотым, в томвотом, товòто, тавòта, тувòту, в тевòте, тевòты, тевòтых* красноборск.; *тоготам, темтам* северн.-в.-рус. (см. [Толстой 1973: 56]).

Описанию различных типов инфинитива посвящены три статьи Т.В. Поповой: "Формы инфинитива от глаголов с основой на /к, г/ типа рус. лит. *печь, беречь*", "Формы инфинитива от глаголов с основой на гласный типа рус. лит. *ходить, видеть, знать, писать*" и "Формы инфинитива от глаголов с основой на согласный типа рус. лит. *плести, вести, грести и класть, прять, грызть*". В этих основательных, крупных по объему работах дано исчерпывающее представление – историко-лингвистическое и ареальное – исследуемого предмета.

Пронализированный в первой статье материал дает основания автору констатировать достаточно сложную картину дифференциации диалектного пространства в отношении различных вариантов образования инфинитивных форм (*печи, беречи; пекчи, берекчи; пекти, беректи; пекци, бераз(х)ци; пecht', беречt'; пект', берект'* и других) в особенности в северо-восточных русских говорах и говорах белорусского языка.

Во второй статье, помимо лингвогеографического описания материала, автор, не претендуя на решение вопроса о происхождении инфинитивных форм на *-т'* (*ходит* вместо *ходити*), предпринимает попытку обозначить основные этапы их развития. Следует заметить, что из приведенных в работе примеров два, трактующиеся как инфинитив с суффиксом *-т'* из древнерусских памятников XI в., требуют некоторой корректировки (это скорее упрек в адрес Г.П. Півторака [см. монографию 1974 г., на которую ссылается Т.В. Попова]), ошибочно интерпретирующего примеры А.И. Соболевского [1907: 165]: *пророкъ не продоухъ разоритъ нъ напльнитъ* Ев0 1156–1157, 2136 (супин); *прдѣвахуцъ инпоменьници почьрпать* [воду] Изб 1073, 2576 (супин); *такò ни кдннѣ же моужь тѣхъ зъваныхъ не въкоуситъ мока вечера* (3-е лицо ед. числа). Формы *напльнитъ* и *почьрпать*, являющиеся по происхождению супином, в связи с заменой исконого *-тъ* на *-т'*, следует толковать, вслед за А.И. Соболевским, как контаминацию инфинитива и супина. Таким образом, предположение о том, что древнерусской системой, сложившейся в X/XI вв., "допускалось употребление инфинитивных форм как с суффиксом

-ти/т'и/, так и с суффиксом *-тъ/т'/*", в принципе возможное, можно принять с известными оговорками. Замечу также, что в рамках принятой периодизации единого общерусского (восточнославянского, древнерусского) языка – XI–XIV вв. – нет никаких оснований говорить о "памятниках старобелорусской письменности" XIII в. (см. с. 126).

Материал, исследованный автором в рассматриваемой статье, позволил сделать заключение о том, что образование диалектных инфинитивных форм от глаголов типа русск. лит. *ходить, брать* на восточнославянской территории осуществляется с помощью суффиксов /т'и/, /т'/ и /т/.

Третья публикация автора представляет большой материал, свидетельствующий о том, что формы инфинитива от глаголов с основой на зубные и губные согласные (русс. лит. *брести, мести, грести, класть*) могут быть образованы с суффиксами /ст'и/, /ст'/ и /с/. При этом наиболее распространенным в восточнославянском континууме оказывается архаический суффикс /ст'и/.

Т.В. Попова демонстрирует постоянное внимание к показаниям исторических и диалектных материалов, не ограничиваясь данными атласов, и это обеспечивает высокую надежность проведенного исследования, представленного как в комментариях, так и в картах.

Перу Л.Е. Лопатиной принадлежат две следующие статьи: "Конструкции типа рус. *корова (корову) подоено*, бел. *грыбы пазбрана*, укр. *гроші узято*" и "Формы винительного падежа множественного числа одушевленных существительных".

Первая, небольшая по объему работа, затрагивает проблему, весьма актуальную с точки зрения исторического и диалектного синтаксиса: нехарактерные для русского литературного языка различные конструкции. В белорусских говорах такие конструкции известны на ограниченных территориях, в то время как украинский язык демонстрирует их широкую распространенность как в литературной форме, так и по говорам. Исследование опирается, в основном, на данные ДА-РЯ и И.Б. Кузьминой, научная деятельность которой была много лет сфокусирована на изучении диалектного синтаксиса.

Неоднозначное впечатление оставляет вторая работа Л.Е. Лопатиной. Если "диалектологическая" часть публикации представляет собой ценный источник информации по ареальному распространению различного рода конструкций – глагол + вин. = родит. или глагол + вин. = именит., то "историческая" часть вызывает некоторые возра-

жения, что связано, в частности, с трактовкой истории развития категории одушевленности в восточнославянских языках. Автор опирается на две гипотезы, исключают друг друга – построения Г.А. Хабургаева [1990] и В.Б. Крысько [1994]. Описание становления категории одушевленности в истории русского языка, с преимущественным вниманием к явлениям древнерусского периода, основанное на огромном новом материале, позволило В.Б. Крысько представить новый взгляд на теорию и историю этой категории, обозначить основные вехи ее развития, в том числе и в формах *pluralis*. Приведение в соответствие "истории" грамматикализации значения одушевленности и "географии" инновационных конструкций дало бы возможность Л.Е. Лопатиной нарисовать более четкую историко-типологическую картину функционирования форм винительного падежа множественного числа одушевленных существительных на восточнославянском диалектном пространстве.

Две публикации Г.П. Клепиковой – "Названия частей плуга. 1. 'лемех'; 2. 'отвал'" и "Названия 'муравьев'" демонстрируют важность лексических показателей для реконструкции праславянского диалектного членения и для представления восточнославянской картины мира. В свое время Н. Трубецкой замечал [1987: 513–514]: "...сравнительно-этимологическое изучение славянской лексики невозможно без установления точного ареала распространения каждого слова..."; "...точное установление лексических изоглоссов в пределах славянских языков дает возможность с новой точки взглянуть на историю всех славянских языков".

В первой из рецензируемых работ автор, ориентируясь на существующие в разных областях Восточной Славии реалии, показывает распространение различных лексем, манифестирующих названия частей плуга. Ограниченность материала, вызванная отрывочностью соответствующих сведений в ДАРЯ, все-таки позволяет Г.П. Клепиковой, используя материалы ОЛА и СРНГ ("Словаря русских народных говоров"), представить четкую диалектную дифференциацию в отношении территориальной прикреплённости тех или иных восточнославянских наименований: *лемех*, *лемешь* плуга, *отвал* плуга, *сошник*, *нароз*, *над*, *нож* (*ниж*), *плита*, *пос'т'ю* и др.

Особо следует отметить высокоинформативные примечания автора, помещенные в конце работы, которые дают различного рода сведения – исторические, этимологические, экстралингвистические относительно рассматриваемых лексем.

Для более полного отражения материала (ввиду большого числа фонетико-словообразовательных вариантов названий муравьев – это вторая публикация автора) Г.П. Клепикова составляет три обобщающие карты – лексическую, словообразовательную и дополнительную лексическую, призванных продемонстрировать все разнообразие этнонимов, характеризующих восточнославянский ареал: названия, содержащие корень **morv-* (*муравей*, *муравли*, *мурави*, *мурал'и*, *мураши*, *мараши*, *мураш'ки*, *морашики*, *мурахи*, *муран'ки* и т.д.); названия, содержащие корень *ком-* и суффиксы *-ар*, *-ах*, *-аш(к)*, *-аш(н)* (*комар/камар*, *комаха*, *комашка*, *камашня* и под.); названия типа русск. диал. *сикляхи* и т.д. Раздельное рассмотрение лексических и словообразовательных фактов, связанных с названиями муравьев, позволило автору выявить ряд существенных деталей и более полно представить ситуацию, касающуюся дифференциации исследуемых этнонимов на восточнославянском диалектном пространстве.

Во всех случаях материал картографируется по схеме "от значения к слову", что позволяет продемонстрировать географию отдельных лексем и их ареальное соотношение на обследуемой территории.

Нельзя не отметить предельную четкость и строгость графического решения прилагательных к каждой статье карт в рецензируемой монографии. Картографическая репрезентация материала отличается высокой точностью, рациональностью и экономностью: здесь используется стандартный набор геометрических фигур и штриховок. Несомненно, что картографическая концепция выпусков ВСИ опирается на опыт ДАРЯ, ОЛА и ОКДА. Вызывает сожаление лишь тот факт, что полиграфическая издательская база не позволяет пользоваться цветовым решением в картографическом представлении материала, что могло бы еще более четко продемонстрировать границы противопоставленных явлений.

В монографии приведены новые факты, свидетельствующие о неоднородности общевосточнославянского языкового пространства. Так, в "Предисловии" отмечается, что "украинский язык по своему происхождению занимает особое место среди других восточнославянских языков, нередко нарушая представление о едином в прошлом восточнославянском диалектном континууме" (см. с. 8). Изначальная гетерогенность восточнославянского ареала, на которую было обращено внимание ряда исследователей, подкрепляет

ся новыми данными, представленными в об- суждаемой монографии. Заметим, к стати, что Н. Трубецкой [1987: 143, 166], говоря о едином "общерусском или общевосточносла- вянском праязыке" вместе с тем утверждал, что «... "праукраинский" существовал... не по- сле, но до распада общерусского языкового единства».

Замечания к отдельным публикациям раз- бросаны по тексту рецензии. Что касается рекомендаций более общего характера, то они сводятся к следующему. Обращает на се- бя внимание отсутствие в монографии за- ключения, в котором бы рассмотренные факты приводились к единому знаменателю. Было бы важно показать, находят ли про- должение границы фонетических явлений в границах морфологических, словообразова- тельных и лексико-семантических, т.е. про- демонстрировать совпадение (или несовпаде- ние) изоглосс, отражающих распространение явлений разного языкового уровня в иссле- дуемом ареале. Справедливости ради следует заметить, что некоторые наблюдения обо- бщающего характера содержатся в "Предис- ловии", но представленные в монографии факты столь важны и столь любопытны, что заслуживают более подробного промежуточ- ного итогового описания.

Рецензируемая монография – это, безус- ловно, крупное достижение диалектологов- славистов и русистов, имеющее не только практическое, но и общетеоретическое зна- чение. Собран, проанализирован и картогра- фирован большой материал, важный для ос- мысления ряда явлений восточнославянской и – шире – славянской языковой истории и диалектологии. Сделан еще один шаг на пути создания будущей типологии славянских диа- лектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов, Бернштейн 1958 – *Р.И. Аванесов, С.Б. Бернштейн*. Лингвистическая гео- графия и структура языка // IV Междуна- родный съезд славистов: Доклады. М., 1958.

ВСИ 1995 – Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.

Жолобов 1997 – *О.Ф. Жолобов*. Древнерус- ское двойственное число в общеславян- ском контексте. Казань, 1997.

Жолобов 2002 – *О.Ф. Жолобов*. Морфосин- таксис числительных *два, три, четыре*: к истории малого количественного // *RLing*. V. 26. 2002.

Иорданиди 1991 – *С.И. Иорданиди*. Из на- блюдений над морфонологическими чере- дованиями /к, г, х/~/-ц, з, с/ в истории рус- ского субстантивного склонения // *Язык и письмо*. Волгоград, 1991.

Колесов 1975 – *В.В. Колесов*. Значение линг- вистической географии в историческом изучении языка // *Общеславянский линг- вистический атлас*. Материалы и исследо- вания. 1973. М., 1975.

Крысько 1994 – *В.Б. Крысько*. Развитие ка- тегории одушевленности в истории рус- ского языка. М., 1994.

Славянская морфонология 1987 – *Славян- ская морфонология*. М., 1987.

Соболевский 1907 – *А.И. Соболевский*. Лек- ции по истории русского языка. М., 1907.

Толстая 1976 – *С.М. Толстая*. Морфоноло- гические типы субстантивных парадигм в польском языке // *Славянское и балкан- ское языкознание*. Проблемы морфоло- гии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

Толстой 1973 – *Н.И. Толстой*. Из наблюде- ний над членом-артиклем и указатель- ным местоимением в южнославянских ди- алектах // *Симпозиум по грамматической типологии современных балканских язы- ков*. М., 1973.

Трубецкой 1987 – *Н.С. Трубецкой*. Избран- ные труды по филологии. М., 1987.

Хабургаев 1990 – *Г.А. Хабургаев*. Очерки ис- торической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Шахматов 1957 – *А.А. Шахматов*. Историче- ская морфология русского языка. М., 1957.

Якобсон 1985 – *Р. Якобсон*. Избранные тру- ды. М., 1985.